

Овалов Л.С.

Стр. 88

(Шанованов Л.С.)

— Что делать с писателем Оваловым? Он разглашает тайны советской разведки! — и Берия положил перед Сталиным книгу «Рассказы майора Пронина».

— Что делать? Прочитать! — ответил вождь... Подобно миллионам советских людей, Овалов был взят ночью. И пока велось следствие, целый год

Момент первый: проницательныи глаза майора Пронина и его коллег.

Читаю и перечитываю повесть и диву даюсь, за что был арестован автор? Какие тайны открыл врагу? То, что чекист-разведчик Иван Николаевич Пронин воспитан партией и беспредельно ей предан? Что он меньше всего думает о себе и весь отдается делу? Что являет собой образец отваги и проницательности, и потому всегда успешно борется с врагами нашего народа, всякими там шпионами и агентами капиталистической разведки, пытающимися подорвать основы нашей жизни?

Нет, писатель ни на йоту не отступал от политики всеобщей подозрительности и шпиономании, насаждаемой тогда в стране. Все плохое, все неудачное, все провалы — это

нул написать о политической разведке страны, чем и вызвал пристальное к себе внимание. Пронин настолько отличался от прототипов Берии, что уже одно это могло родить особую неприязнь ко мне...

Во-вторых, я никогда не был «своим» для этого ведомства. Напротив, к тому времени я уже давно был у него на особом счету. Так что арест зрел не один год.

В 1931 году Государственное издательство художественной литературы выпустило мой роман «Ловцы сомнений». В центре повествования — образ директора типографии коммуниста Василия Брянцева, заявившего вслух, что он сомневается в правильности линии партии...

Овалов достает с полки две книжки журнала «Октябрь». Пожелтевшие лом-

верил, что произошла ошибка, что вот-вот откроется дверь тюремной камеры, и некто справедливый и прекрасный скажет ему: «Вы свободны!».

Но вместо этого писателю сказали: «Статья 58,10. Антисоветская агитация». И он просидел 8 лет в тюрьме и 7 провел в ссылке. «И то повезло: мог бы и вовсе не вернуться...», — считает он.

Как-то на заседании секретариата Российской ассоциации пролетарских писателей раздался звонок: «Товарищ Фадеев, товарищ Сталин интересуется, каким образом роман Овалова появился в печати?». Это звонил Поскребышев. И я вижу, как меняется в лице Фадеев (он был главным редактором «Октября», опубликовавшего мой роман). «Я предлагаю объявить мне выговор за публикацию ошибочного романа», — говорит он.

А вскоре в газетах меня раздали «под орех». И пришлось бы мне совсем худо, посадили бы еще тогда, если бы не одна случайность. Недоброжелатели Фадеева положили на стол Сталина положительный письменный отзыв о «Ловцах», подписанный автором «Разгрома». Таким образом, часть гнева, который вызвал мой роман, обру-

Через несколько дней главный редактор получил выписку из решения бюро ЦК ВЛКСМ: «Слушали просьбу т. Овалова освободить его от занимаемой должности. Постановили — просьбу удовлетворить».

Потерял место. Чудом уцелел после «Ловцов», а также после «проработки» на парткоме за Рыкова (посадили тогда не Овалова, а... секретаря парткома). Долго ли еще оставалось Овалову жить на свободе? Без всяких объяснений цензура вдруг запрещает печатание «Пронина» в журнале «Знамя». Однако повесть нравится Молотову, и этого достаточно, чтобы книга вышла в издательстве. Это-то и сгубило Овалова.

Но тогда он еще ничего об этом не знал, хотя предчувствие опасности томило его. Кругом шли аресты. Все, исподволь копившееся, выливается у него в мистическое стихотворение «Голубой ангел»:

...И не в силах ему противиться — это мать, невеста, жена, Нарушаем мы тайну сердца, называем их имена. А утром с ужасом слышим, что любимых настигла смерть. И тоска проникает в душу, и гнетет небесная твердь. Мы ничего не знаем, не видим божьих сетей, Не знаем, что это ангел уносит лучших людей... Страшно бодрствовать, еще страшнее засыпать.

Ведь именно по ночам приезжает «черный ворон». Но Овалов старается не думать об этом. Спирит, что непременно напечатает свое стихотворение и... выигрывает спор. Правда, стихи превращаются в перевод английского блюза, которым пользуются иностранные шпионы для поддержания связи с агентами. Но победительный майор Пронин, разумеется, разгадывает эту головоломку.

Вот как приходится весело хитрить писателю! И факт остается фактом — стихи напечатаны. Более того, они дали название новому произведению. Книга выходит перед самой войной, когда дни Овалова на свободе уже сочтены: скоро ему предъявят нелепое обвинение...

Сейчас писатель говорит, что ни о чем конкретном тогда не догадывался. Но как же понять тот факт, что в «Голубом ангеле» Пронин разговаривает со своим знакомым писателем так, будто предвидит обвинения Берии? «А если обо всем этом написать, не скажут, что это не нужно?», — спрашивает писатель. — «Почему?» — удивился Пронин. «Ну, скажут, что я раскрываю методы расследования, привлекаю, так сказать, внимание...».

«Ну и нерешительны же вы, братья-писатели... — Пронин поднял меня на смех. — Кто это может сказать? Во всех государствах существуют разведывательные учреждения, которые засылают и будут засылать к нам своих агентов. Так почему же вредно об этом напомнить? А методы? Как нет ни одного преступления, абсолютно похожего на другое, так нет и одинаковых методов для раскрытия этих преступлений».

Что это? Прозрение будущего или постижение настоящего?

Д. АБРАМОВА.
(Окончание следует)

Вер. Москва - 1988 - 9 июля

ДОРОГА ДЛИНЮ В ЖИЗНЬ

от них, от врагов Советской власти. Вредители взрывают шахты, вызывают падеж поголовья птицы. Шпионы посягают на жизнь ученых, изобретателей, так как только убив патриотов, они могут завладеть их тайнами, имеющими государственное значение. И всему этому с успехом противостоит простой и скромный, добрый и веселый, умный и находчивый, смелый и решительный, а главное — проницательный и справедливый майор Пронин.

И не только противостоит, но и всячески предотвращает многие несчастия, которые могли бы случиться со страной исключительно из-за коварства врагов народа...

Изданная в 1941 году «Воениздатом» повесть «Рассказы майора Пронина» вскоре становится бестселлером. И не мудрено. Уж очень нравится всем Пронин — хороший человек, который, прежде чем кого-то подозревать, многократно проверит свою версию. Народ таких справедливых любит. Даже многочисленные анекдоты о всевидящих глазах майора, которые следят за тобой даже в самых укромных местах, хоть и не лишены иронии, говорят о популярности этого литературного персонажа.

Но в том-то и парадокс времени, в том-то и ужас всего происходившего с нами, что даже «свой», казался бы, писатель, впервые в советской литературе обратившийся к образу сотрудника советской разведки, оказывается за решеткой. Всех под одну гребенку стрижет сталинщина. Так надежнее!

— Лев Сергеевич, как вы объясняете сегодня свой внезапный арест? — спрашиваю у Овалова.

— Однозначно тут не ответишь. Причин было много. Во-первых, я действительно первым риск-

кие страницы, прожившие 58 лет, несут на себе имена Фадеева, Панферова, Караваевой, Медынского, Луговского. И рядом Овалов — «Ловцы сомнений». «Мне кажется, партия идет по неверному пути. Я сомневаюсь, действительно ли мы строим что-то новое», — читаю слова главного героя романа — Брянцева. А когда его обвиняют в антисоветчине, он бросает своим оппонентам: «При жизни Ленина вы не посмели бы так говорить». И пусть в конце книги Брянцев кончает жизнь самоубийством, его сомнения не могут не запасть в душу читателя.

А чего стоят разговоры наборщиков между собой: «Совсем деревню налогами задушили. Никакого интереса нет мужику хлеб сеять». Или: «Скажи на милость, где вы их (кулаков) нашли? Каждого хорошего хозяина кулаком считаете...». И последняя цитата: «Скажи-ка, товарищ, что у вас в деревне хорошего?». — «Хорошего?.. С голоду помирать скоро будем».

Роман «Ловцы сомнений» написан «по горячим следам». Это сейчас мы начали говорить о трагедии коллективизации. А что побудило автора тогда, в 1929-м, писать так открыто? Неужели не страшно было «дразнить гусей»?

Лев Сергеевич Шанованов (Овалов — его литературный псевдоним) отвечает на этот вопрос не сразу.

— Понимаете, до 37-го года было далеко. Многие коммунисты еще жили Лениным, его нормами партийной этики. Еще шли дискуссии. В партийной оппозиции были порядочные, но ошибающиеся люди, болеющие за судьбы страны. Так я думал. Так и писал. Писал правду и не боялся, что меня обвинят в двурушничестве, в пособничестве троцкизму и еще бог знает в чем. Но случилось обратное.

шилась на голову Фадеева...

Потом, на следствии, мне припомнили все: и «воспевание троцкизма» в «Ловцах», и даже первое выступление в «Правде», с которого началась моя литературная карьера. Это была стихотворная поэма «Стальной пропагандист».

Еще раньше, в 37-м, меня по этому же поводу «прорабатывали» на парткоме. «Вы что себе позволяете?! Поэмы Рыкову пишете! А в романе «Ловцы сомнений» опять к нему возвращаетесь: там ваши наборщики говорят: «Мы все равны: от Рыкова до тебя». Кого прославляете?! Не могли что ли его Калининским заменить?»...

Так что видите — бдительные глаза коллег моего майора следили тогда за каждой «крамольной» строчкой... А тут еще эта история с пастернаковским «Гамлетом».

— Какая история?

...И Овалов поведал мне, как дружил с Пастернаком и вместе с ним говорил, что никто не хотел печатать стихи поэта. Пастернак переводил тогда «Гамлета», был очень увлечен, всюду ходил с шекспировским томиком. И Овалов, бывший главным редактором журнала «Молодая гвардия», рискнул напечатать пастернаковский перевод. И не только напечатал, но и заплатил за эти замечательные стихи, как за оригинал.

А вскоре Овалова вызвал к себе секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Оказалось, что главный бухгалтер издательства обвинил Овалова в разбазаривании народных денег. «Зачем напечатали «Гамлета»?», — спросил Михайлов. «А товарищ Сталин говорит, что молодежь надо знакомить с Шекспиром», — нашелся Овалов. «Это он вам лично сказал?», — «Нет», — «Тогда вы свободны!».